

**КУЛЬТУРНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ИНТЕГРАЦИИ
УКРАИНСКОЙ КАЗАЦКОЙ ЭЛИТЫ
В ОБЩЕИМПЕРСКОЕ ДВОРЯНСТВО***

Яков Лазарев

Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

**CULTURAL MECHANISMS OF INTEGRATING
THE UKRAINIAN COSSACK ELITE
INTO THE IMPERIAL NOBILITY****

Yakov Lazarev

Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

In this article, the author explores the degree of effectiveness of cultural mechanisms implemented in the integration of the Ukrainian Cossack elite into the all-imperial nobility. According to the author, the mid-eighteenth century became a milestone in updating cultural integration mechanisms. Using multiple examples, the author demonstrates how the Cossack elite actively broke away from their cultural provincialism, sending their children to educational institutions of the imperial capitals, and subsequently replenished and formed the imperial noble intellectual elite. The author explains such changes by the influence of European ideological transfer, which led to the transformation of the worldview of the Russian ruling elite, and then, during the reign of Peter I, to the transformation

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых по теме «Механизмы устойчивого контроля над присоединенными территориями Российской государства: военно-административное присутствие и фискальные практики в "Малой России" (вторая половина XVII в. – 1785 г.)». Договор № 14.У30.17.97-МК от 22.02.2017 г.

Автор выражает глубокую признательность К. Д. Бутрову и М. А. Киселеву за оказанную помощь, ценные советы и замечания, которые помогли в работе над текстом.

** Citation: Lazarev, Ya. (2020). Cultural Mechanisms of Integrating the Ukrainian Cossack Elite into the Imperial Nobility. In *Quaestio Rossica*. Vol. 8, № 1. P. 270–282. DOI 10.15826/qr.2020.1.461.

Цитирование: Lazarev Ya. Cultural Mechanisms of Integrating the Ukrainian Cossack Elite into the Imperial Nobility // *Quaestio Rossica*. Vol. 8. 2020. № 1. P. 270–282. DOI 10.15826/qr.2020.1.461 / Лазарев Я. Культурные механизмы интеграции украинской казацкой элиты в общеимперское дворянство // *Quaestio Rossica*. Т. 8. 2020. № 1. С. 270–282. DOI 10.15826/qr.2020.1.461.

of the Russian imperial court into one of the leading courts of Europe. The result of the said sociocultural processes was the transformation of the capital's cultural and educational institutions into new centres for attracting leading Western professors and Ukrainian youth, who were looking for opportunities for creative and professional self-realisation. According to the author, another important incentive for the Cossack elite was the political ascent of two ordinary Ukrainian Cossacks, the brothers Alexei and Cyril Razumovsky. The Razumovsky brothers became a part of the new nobility, who ascended to power during the reign of Elizabeth Petrovna. For this reason, they became a key cultural channel of the new European worldview for the Cossack elite of Little Russia and an important resource for entering imperial educational institutions and forming the imperial nobility from the Cossack elite. Further, a debatable opinion is expressed in the text of the article, according to which the "Enlightenment discourse" characteristic of Russia and Europe of the time became the main cultural mechanism for the integration of the Cossack elite. According to this "Enlightenment Discourse", at the top of the hierarchy of rationality, there was an enlightened cosmopolitan, an imperial nobleman, a member of a supranational community. The author maintains that the existence of such cultural mechanisms allowed the Cossack elite to break away relatively easily from their former Cossack identity.

Keywords: Ukraine; Little Russia; Russian state; integration; Ukrainian Cossack elite; noblemen's education; Catherine II.

Автор исследует степень эффективности культурных механизмов интеграции украинской казацкой элиты в состав общеимперского дворянства. По его мнению, ключевым рубежом в актуализации культурных механизмов интеграции стала середина XVIII в. На многочисленных примерах показано, как казацкая элита активно порывала со своим культурным провинциализмом, направляя своих детей в учебные заведения имперских столиц, а в дальнейшем пополняла и формировала имперскую дворянскую интеллектуальную элиту. Подобные изменения автор объясняет влиянием европейского идейного трансфера, который привел к трансформации мировоззрения российской правящей элиты, а затем в годы правления Петра I к превращению российского императорского двора в один из ведущих дворов Европы. Следствием отмеченных социокультурных процессов стала трансформация столичных культурных и образовательных институций в новые центры притяжения для ведущих западных профессоров и украинской молодежи, ищущей возможности для творческой и карьерной самореализации. Другим важным стимулом для казацкой элиты стало политическое возвышение двух простых украинских казаков – братьев Алексея и Кирилла Разумовских. Они стали частью *новой знати*, выдвинувшейся в правление Елизаветы Петровны, и по этой причине явились ключевым культуртрегерским каналом нового европейского мировоззрения для казацкой элиты «Малой России», а также важным ресурсом для поступления в имперские учебные заведения и формирования из казацкой элиты имперского дворянства. Автор высказывает дискуссионное

мнение, согласно которому главным культурным механизмом интеграции казацкой элиты стал «дискурс Просвещения», характерный для России и Европы того времени. Согласно ему, на вершине иерархии разумности находился просвещенный космополит – имперский дворянин, член наднациональной общности. Как полагает автор, действие подобных культурных механизмов позволило казацкой элите сравнительно легко порвать с прежней казацкой идентичностью.

Ключевые слова: Российская империя в XVIII в.; Украина; Малая Россия; интеграция; украинская казацкая элита; дворянское образование.

В изучении процессов интеграции земель и сословных групп «Малой России» (1654–1785) основной акцент делается на политических и административных механизмах инкорпорации, культурным механизмам интеграции придается гораздо меньшее значение. Это объясняется тем, что в ситуации чуждости местных институтов и правовых систем, а также культуры российская сторона оказалась не способна стать центром культурного притяжения для местной элиты, ориентированной на иные культурные и образовательные модели и находившейся в определенной оппозиции к российскому правительству, стремившемуся изначально русифицировать и гомогенизировать территорию «Малой России». Отсутствие действенных культурных механизмов интеграции предопределило травматичный характер кооптации украинской казацкой элиты – ключевого актора в российско-украинских отношениях и носителя идеи украинской казацкой государственности. Проводя политику «кнута» (деятельность Г. Н. Теплова и П. А. Румянцева) или «пряника» (жалованная грамота дворянству 1785 г.), навязывая *лояльную идентичность* (З. Е. Когут, С. Н. Плохий)¹, российское правительство смогло расколоть украинскую элиту и к концу XVIII в. окончательно интегрировать ее в состав общеимперского дворянства. В качестве наглядной иллюстрации культурных барьеров, насильственности интеграции украинской казацкой элиты используются несколько примеров, среди которых, в частности, вымышленный «сенатский указ 1761 г.» о запрете детям казацкой элиты поступать в Сухопутный шляхетский кадетский корпус, который принадлежит автору анонимного памфлета начала XIX в., без должной источниковедческой проверки вошедший в историографию и публицистику [Киселев, Лазарев, с. 119–124]. Вне культурного и политического контекста излагаются взгляды российской правящей элиты, якобы тормозившей образовательные проекты внутри самой «Малой России» (Т. Г. Таирова-Яковлева, Я. Кусбер, Л. Посохова). Отмеченная историографическая ситуация контрастирует с высказываниями

¹ В данном случае речь идет о внедрении в социально-политическое поле или национальное самосознание имперских ценностных нарративов.

самых акторов – представителей украинской казацкой элиты. Между тем, факт интеграции известный украинский общественный деятель А. И. Чепе (начало 1760-х – начало 1820-х гг.) оценивал в исторический перспективе следующим образом (1809):

Но когда поступили с ними (малороссийскими дворянами. – Я. Л.) по разуму, и издан указ Государя Императора Петра Третьяго о вольности дворян и Высочайшая грамота о дворянстве, когда [эти] две эпохи поравняли русских дворян в преимуществах с малороссийским шляхетством, тогда малороссияне начали смело вступать в российскую службу, скинули татарския и польския платья, начали говорить, петь и плясать по-русски... [Из истории южно-русского общества, с. 14]

Как видно, для Чепы ключевым водоразделом в процессе культурной интеграции казацкой элиты стали два важных законодательных акта – манифест Петра III «О вольности дворян» (1762) и «Высочайшая грамота о дворянстве» (1785). До этого момента, со слов Чепы, об этом и речи быть не могло. Более того, с началом работы Уложенной комиссии Елизаветы Петровны или Екатерины II (автор не уточнял) часть казацкой элиты (Нежинского и Стародубского полков), «опасаясь, по-видимому неосновательно, подвергнуться состоянию русских дворян, почли за лучшее быть в оковах, чем согласиться на оные» [Там же]. Как видно, юный современник описываемых событий делал акцент на нежелании казацкой элиты порывать со старой культурной идентичностью из-за недостаточного объема дворянских прав, что вряд ли свидетельствовало о культурной чуждости и травматичности интеграционных процессов.

В приведенной эмоциональной зарисовке Чепы есть ряд важных лакун: отстаивала ли украинская казацкая элита свою культурную инаковость перед российским правительством, выстраивались ли (до определенного момента) на этом основании какие-либо культурные барьеры во взаимоотношениях с российской элитой, стремились ли каким-либо образом российское правительство преодолеть имевшиеся культурные барьеры, и как оно реагировало на возможные практики репрезентации инаковости?

Специфика «Малой России» и важность интеграции украинской казацкой элиты осознавались российским правительством еще с 60-х гг. XVII в., когда была предпринята первая попытка пожалования гетмана И. М. Брюховецкого и его окружения в чины Московского государства (1665). Однако вплоть до середины XVIII в. украинская казацкая элита оказалась не заинтересованной в политической и культурной интеграции. Ни переход гетмана И. С. Мазепы на сторону шведского короля (1708), ни кризис доверия к институту гетманства, породивший среди российской правящей элиты проекты, направленные на формирование лояльной казацкой элиты и более

эффективную ее культурную ассимиляцию², ни налаженные российско-украинские межэлитарные неформальные связи не оказали большого влияния на культурно-политическую ситуацию. Петр I, равно как и его преемники, не был мотивирован на формирование институциональных механизмов производства лояльной элиты. Не случайно в 1736 г. А. И. Остерман замечал, что процесс адаптации к великороссийским практикам возможен был только при сознательном желании самой казацкой элиты, которая на протяжении десятилетий, оставаясь ключевым ресурсом управления и контроля, была заинтересована в трансформации выборных казацких должностей практически в наследственные, а также в присвоении свободных войсковых земель в качестве потомственных владений [Сб. РИО, т. 117, с. 567].

Такое видение проблемы культурной интеграции отражало определенный провинциализм украинской казацкой элиты. Ее образовательные практики, ориентировавшиеся на местные учебные институты по преимуществу духовного характера (православные коллегиумы) [Посохова; Український Гетьманат, кн. 2, с. 414–437], выявляли этот провинциализм в полной мере, чего нельзя было сказать про российскую правящую элиту.

Примерно с середины XVII в. под влиянием европейского культурного трансфера начинает медленно меняться правящая элита Российского государства. Одним из важных следствий этого процесса, ускоренного в годы правления Петра I, стало формирование условий для создания культурных и образовательных институций, а вместе с ними и механизмов европеизации элиты (Академический университет в Санкт-Петербурге, шляхетские кадетские корпуса, Московский университет и др.). Российский императорский двор стремительно превращался в один из ведущих дворов Европы, а имперские культурные и образовательные институты – в новые центры притяжения для ведущих западных профессоров и молодежи, ищущей возможности для творческой и карьерной самореализации. Во многом по этой причине теряют былую привлекательность старые центры образованности.

Серьезные изменения культурного ландшафта в полной мере отразились на восприятии ключевой для «Малой России» образовательной институции – Киево-Могилянской коллегии, а с 1701 г. академии. На рубеже XVII–XVIII вв. академия являлась центром культурного притяжения для детей некоторых представителей российской правящей элиты (П. В. Шереметев, В. Н. Зотов). Несмотря на политический выбор И. С. Мазепы, Киево-Могилянская академия и после 1708 г. продолжала оставаться важным просветительским центром – здесь по заказу Петра I и князя Д. М. Голицына переводились на русский

² Например, проект Ф. С. Салтыкова, предполагавший интеграцию украинской казацкой элиты посредством целенаправленного карьерного продвижения лиц, лояльных престолу, и навязывания брачных практик среди неженатых российских дворян с дочерьми казацкой элиты (1712–1713) [Пропозиции Федора Салтыкова].

язык актуальные сочинения по мировой истории и общественно-политической мысли Ф. Д. де Сааведры, Юста Липсия, С. Пуффендорфа и др. [Словарь, вып. 2, с. с. 137–138, 490]. Однако за довольно короткий срок «Могильянка» стала восприниматься в качестве своеобразной интеллектуальной периферии. Насколько состоявшиеся культурные перемены осознавались в среде украинской казачьей элиты?

Как можно судить по культурно-образовательным практикам и стратегиям саморепрезентации украинской казачьей элиты, важные изменения фиксируются во второй половине 1740-х гг. Данные изменения, направленные на преодоление сложившегося провинциализма, совпадают по времени с политическим восхождением братьев Алексея и Кирилла Разумовских, не принадлежавших к казачьей элите. Старший из братьев Алексей стал фаворитом императрицы Елизаветы Петровны (1741–1761), а младший Кирилл – казачьим гетманом (1749/1750–1764) (см. ил. на цв. вклейке). Оба стали руководителями двух гвардейских полков и видными имперскими сановниками. Что же касается К. Г. Разумовского, то образование он получил в Геттингенском университете, много времени проводил в имперской столице, возглавлял Академию наук. Заранее следует оговориться, что новый статус братьев Разумовских невозможно рассматривать вне контекста их неформальных связей с *новой знатью* елизаветинского царствования – семьями, выдвинувшимися в результате дворцового переворота Елизаветы Петровны и в скором времени *аристократизировавшимися* (Шуваловыми, Воронцовыми, Скавронскими). Представители этой новой знати заняли ключевые посты, через которые влияли на вектор внутренней, внешней и сословной политики государства [Киселев, Лазарев, с. 126–127]. Именно частью этой новой знати, сплоченной вокруг императрицы личной преданностью и матримониальными связями, оказались также графы Разумовские. В ее рамках сформировалось очень важное поле, где осмыслились и адаптировались общеевропейские культурные практики (приглашение иностранных учителей, просмотр оперных и театральных постановок, практика «grand tour» и др.) [Дневник, с. 258, 265; НИА СПб ИИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1134. Л. 14–17, 33, 35, 75–75 об., 78].

В результате этого в имперской столице обосновались влиятельные украинцы, воспроизводившие культурные практики, не имевшие ничего общего с прежними образовательными моделями украинской казачьей элиты. Гетманский двор К. Г. Разумовского в Батурине стараниями последнего и его помощника Г. Н. Теплова стал своеобразным культуртреггерским центром распространения нового мировоззрения. Все это стало важным стимулом для казачьей элиты добровольно вкладываться в обучение своих отпрысков в имперских учебных заведениях и зарубежных университетах, стремясь преодолеть сложившийся провинциализм и легитимизировать себя в качестве неотъемлемой части просвещенного имперского дворянства.

Об этом свидетельствуют страницы истории Сухопутного шляхетского кадетского корпуса, открытого в начале 1732 г. По меткому выражению И. И. Федюкина, корпус играл ключевую роль в формировании послепетровской элиты и *истинного дворянства*, а не только в подготовке офицерских и унтер-офицерских кадров для армии [Федюкин, с. 245–246; см. также: Бугров, Киселев, 130–133]. Процесс подготовки кадетов подразумевал воспроизводство *культуры социальных отличий*, то есть формирование определенных поведенческих установок, приличествующих истинному имперскому дворянину. Не случайно девиз корпуса гласил: «От обоих (военного дела и наук. – Я. Л.) истинное шляхетство». Акцент на принадлежности к «истинному шляхетству» особенно делался в формулировках при отчислении кадетов, не сумевших доказать свое соответствие высоким требованиям, приличествующим *благородным* (например, за воровство или пьянство) [Федюкин, с. 255–256].

С конца 1740-х гг. среди имперской дворянской молодежи (включавшей сыновей прибалтийских дворян) появляются отпрыски украинской казацкой элиты «для обучения приличных шляхетству наук» или «приличных шляхетству экзерций»: дети Сулим, Горленок, Милорадовичей, Трошинских, Полетик, Кулябок, Лукашевичей, Маркевичей и др. [Федюкин, с. 272; РГАДА. Ф. 248. Д. 3017. Л. 65, 239; Д. 3217. Л. 347 об.]. Следовательно, для детей украинской казацкой элиты всегда были открыты двери в ключевое дворянское учебное заведение Российской империи.

Помимо предоставления образовательных услуг и воспитания «истинного дворянства», дворянские кадетские корпуса играли роль институций, в рамках которых представители украинской казацкой элиты, будучи частью образовательного процесса, могли его контролировать, внедрять новые дисциплинарные и образовательные практики, отбирать для перевода актуальную европейскую учебную литературу³. Последнее вряд ли было бы осуществимо в условиях культурной и политической дискриминации со стороны российского правительства. Примером, иллюстрирующим данные стратегии, является образовательная деятельность Г. А. Полетики – видного украинского политического деятеля и автора историко-политических сочинений.

В 1764–1773 гг. (фактически по 1770 г.) Г. А. Полетика исполнял должность главного инспектора Морского шляхетского кадетского корпуса. До этого знакового назначения он был хорошо известен как переводчик с латинского и немецкого языков, служивший сначала при Академии наук (1746), а потом при Синоде (1748), где также исполнял обязанности духовного цензора (1760), некоторые переводы Полетики публиковались в академических «Ежемесячных сочинениях» (1757) [Словарь, вып. 3, с. 457–458]. Согласно своей должностной

³ Помимо Сухопутного кадетского корпуса, в 1752 г. в Санкт-Петербурге был открыт еще и Морской шляхетский кадетский корпус.

инструкции, Полетика имел «главное смотрение над училищем и команду над всеми учителями, кадетам давать для класов табели и сверх того надсматривать над типографиею в печатении книг». Данная формулировка подразумевала оценку профессиональных способностей и отбор учителей, оценку способностей кадетов и их распределение по соответствующим классам⁴, создание необходимых условий для эффективного обучения (включая применение дисциплинарных наказаний), издание «полезных для корпуса книг», а также право «искисывать и приохачивать посторонних к отдаванию их переводов или сочинении во оную (типографию. – Я. Л.) для напечатывания» [Руднев, с. 373–375].

Другой важный пример – это Аким (Яким) Сулима (1737–1818), сделавший успешную педагогическую, военную и административную карьеру при четырех правителях Российской империи, он был известен также переводами с французского языка. А. С. Сулима, в отличие от Г. А. Полетики, не обучался за границей, но с золотой медалью окончил Сухопутный корпус (1755–1759), в 1761–1763 гг. преподавал в нем, а в 1764, 1767–1768 гг. надзирал за обучением кадетов и даже по указанию И. И. Бецкого составил устав данного учебного заведения (вторую и третью его части)⁵. Статус и возможности Полетики и Сулимы позволили другому начинающему малороссийскому интеллектуалу и переводчику из среды казачьей элиты С. И. Гамалеи (1743–1822) получить протекцию при занятии должности преподавателя латинского языка в Сухопутном корпусе (1767), а затем и способствовали его успешной административной карьере. Гамалея был дружен с известным просветителем И. И. Новиковым, а также являлся влиятельной фигурой среди российских масонов [Дзюба, с. 275–276; Словарь, вып. 1, с. 194–195].

Необходимость обучения в дворянском кадетском корпусе в полной мере осознавалась украинской казачьей элитой, позволяя последней вписываться в общеимперское дворянство. Подтверждение этому находится в наказах, поданных в Уложенную комиссию Екатерины II (1767–1768). Данный аспект ловко маскировался среди просьб о создании университета в «Малой России» или аргументов, объяснявших невозможность предоставить реальные физические доказательства своего шляхетства (утраченные в годы Хмельничины, 1648–1657) [Наказы, с. 14, 41, 69]. О необходимости обучения в кадетском корпусе (в особенности инженерном) в своих письмах к отцу (1776, 1779) писал будущий екатерининский фаворит А. А. Безбородко. Это учебное заведение рассматривалось им в качестве лучшего места для воспитания дворян, «где ныне лучшее учение и присмотр, да и возрастом с пользою выпущен быть может», а также в качестве

⁴ «Кроме математического класса» [Руднев].

⁵ Положения об учреждении Московского воспитательного дома и план к заведению в нем собранной казны, ссудной и вдовьей казны [Словарь, вып. 3, с. 183–184].

возможности для сбережения родительских капиталов. Схожих мыслей придерживался и Г. А. Полетика (1784) [Сб. РИО, т. 126, с. 241, 272, 277–278; Дзюба, с. 30].

Помимо дворянских кадетских корпусов, другими центрами притяжения детей не только украинской казацкой элиты, но и менее знатной старшины были университеты – Академический (Санкт-Петербург) и Московский. Среди их студентов и преподавателей мы найдем множество имен известных литераторов, публицистов, переводчиков, которые смогли эффективно конвертировать свой культурный капитал в академическую, административную, военную, медицинскую карьеру, а также для вхождения в состав имперской интеллектуальной элиты (например, М. И. Антоновский, братья Иван и Илья Тимковские, И. Г. Туманский, И. А. и Г. А. Полетики и др.)⁶. Важно отметить, что обучение в столичных университетах могло дополняться службой в гвардейском Измайловском полку, подполковником которого оставался бывший гетман К. Г. Разумовский (Г. С. Винский, В. В. Капнист, И. С. Лашкевич и др.) [Словарь, вып. 1, с. 35, 156–157; вып. 2, с. 21–22, 93–94, 187–188, 212; вып. 3, с. 238–240, 279–286].

По этой причине не вызывает удивления появление авторов из казацкой среды на страницах журналов, формировавших имперскую дворянскую культуру. Особенно стоит отметить сотрудничество с «Трудолюбивой пчелой» А. С. Сумарокова (Г. В. Козицкий, Г. А. Полетика). Страницы журнала являлись площадкой для высказываний авторов по преимуществу дворянского происхождения или признававшихся за таковых и равных. Среди них были видные великороссийские литераторы, связанные родственными или дружескими связями с представителями российской правящей элиты. Следовательно, журнал можно рассматривать в качестве интеллектуального канала для донесения актуальных идей и представлений не только до читающей публики имперских столиц, но и до «ответственных за принятие государственных решений» [Киселев, Лыцова, с. 154–180; ср.: Киселев, с. 1131–1148]. Как видно, представители украинской казацкой элиты и даже менее знатной старшины были глубоко интегрированы в новое европеизированное культурное пространство Российской империи и разделяли многие ценности, присущие имперскому дворянину и просвещенному человеку.

Глубину культурной интеграции украинской казацкой элиты также подчеркивали маркеры ее репрезентации за границей. Например, в *матрикулах* (списках) студентов, прежде всего германских университетов, мы встречаем следующие пояснения относительно социального статуса детей казацкой элиты: *eques Russus / Rossiacus* (А. В. и И. В. Гудовичи, 1751, П. В. Кочубей, 1755, А. Ф. Шафонский, 1760, А. Я. и Н. Я. Борковские (Дунины-Борковские), 1766) или *nobilis Rossiacus* (В. Н. Ханенко, И. Г. По-

⁶ Как правило, важные базовые знания были заложены во время обучения в Киево-Могилянской академии.

летика, 1746), то есть *русские/российские дворяне*. В некоторых случаях к латинскому наименованию *eques/nobilis* могло прибавляться прилагательное *Ukrania-Russus/Russiae minoris* (В. С., Н. С., С. С. Леонтовичи, 1753, И. Г., Ф. О. и М. В. Туманские, И. Кулябка, 1773, 1775), а в редких случаях и «экзотика» вроде *eques Cosacorum* (Я. А. Дунин-Борковский, 1746) или просто *Russus* (И. С. Лашкевич, 1761) [Андреев, с. 352–423; Die Matrikel, S. 355, 408, 417, 442, 450, 485, 487, 500, 528; Das Album, S. 97, 102]. Отмеченное обстоятельство демонстрирует напряженные поиски в среде украинской казацкой элиты своего символического места среди европейского дворянства.

В сравнительно исторической перспективе следует отметить, что выявленные практики не являлись чем-то уникальным и вписывались в общеевропейские тренды. Приведем маркеры репрезентации сына известного «мазепинца» Ф. Орлика Петра-Григория (1702–1759). Данный персонаж, будучи слугой и французского (Людовика XV), и польского (Станислава Лещинского) королей, в публичном пространстве активно и настойчиво репрезентовал себя в качестве польского шляхтича, родившегося якобы на «Польской Украине», который был готов «послужить как поляк делу моей Отчизны (Речи Посполитой. – Я. Л.)» против Российской империи [Ададуров, с. 284, 287].

Реконструкция культурных механизмов интеграции казацкой элиты в общеимперское дворянское сословие показала их высокую эффективность. Абсолютно добровольно дети казацкой элиты становились подлинными строителями Российской империи. Важным рубежом в актуализации культурных механизмов интеграции стала середина XVIII в. Именно с этого момента казацкая элита стала активно порывать со своим культурным провинциализмом, направляя своих детей в учебные заведения имперских столиц, а в дальнейшем пополняя и формируя имперскую дворянскую интеллектуальную элиту. Помимо политического влияния, представители новой знати являлись ключевыми акторами в осмыслении и адаптации общеевропейских культурных практик.

Статус и авторитет братьев Разумовских не стали бы ключевым драйвером культурной интеграции, если бы с середины XVII в. под влиянием европейского культурного трансфера не стала меняться правящая элита Российского государства, а вслед за ней в годы правления Петра I и российский императорский двор не превратился бы в один из ведущих дворов Европы. Следствием этих социокультурных процессов стало превращение новосозданных имперских культурных и образовательных институций в новые центры притяжения для ведущих западных профессоров и молодежи, ищущей возможности для творческой и карьерной самореализации. Во многом по этой причине старые центры образованности (православные коллегиумы) теряют былую привлекательность для украинской казацкой элиты. Символическому обесцениванию прежних центров способствовали не столько недостаток квалифицированных кадров и отсутствие

в образовательном процессе передовых дисциплин [Посохова], сколько существовавший «дискурс Просвещения». Важной его чертой была особая *этнографичность* в понимании окружавшего мира и пространства, которая, работая на необходимость изучения нравов и обычаев *простого народа*, выстраивала определенную *иерархию разумности*. Под влиянием другого дискурса – сословного – на вершине иерархии разумности оказывался европейски образованный просвещенный космополит – российский имперский дворянин, которому поручалось просвещать народы империи, избавляя их от различного рода предрассудков. Следовательно, дворянин оказывался вне иконографии народов Российской империи, будучи своего рода членом *наднациональной общности*. В итоге различия, производимые «дискурсом Просвещения» и транслировавшиеся через имперские образовательные институты, являлись главным культурным механизмом интеграции украинской казачьей элиты, позволившим ей сравнительно легко порвать с прежней казачьей идентичностью.

Это в полной мере отразилось на маркерах ее саморепрезентации за границей при поступлении в немецкие университеты («русский/российский дворянин»), а также в содержании образовательных проектов второй половины XVIII в., копировавших, по сути, имперские образцы. Воплощению подобных проектов помешало наличие уже сложившихся столичных центров образованности, а также низкие мобилизационные возможности украинской казачьей элиты, полагавшейся на ресурсы империи. Но даже в случае их реализации подобные центры в «Малой России» также работали бы на сотворение имперского дворянина, в любом случае порвавшего с прежней идентичностью и не видевшего себя в иной социокультурной обстановке. Сложившуюся культурную ситуацию изменит только «эпоха национализма».

Список литературы

Ададуров В. В. Украинский казак на службе Людовика XV, или Польский шляхтич на службе двух королей: документальная деконструкция исследования И. Борщака о П.-Г. Орлике // Французский ежегодник 2014. М. : Ин-т всеобщей истории РАН, 2014. С. 269–305.

Андреев А. Ю. Русские студенты в немецких университетах XVIII – первой половины XIX века. М. : Знак, 2005. 432 с.

Бугров К. Д., Киселев М. А. Естественное право и добродетель: интеграция европейского влияния в российскую политическую культуру XVIII века. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2016. 476 с.

Дзюба О. М. Приватне життя козацької старшини XVIII ст. (на матеріалах епістолярної спадщини). Київ : Інститут історії України, 2012. 347 с.

Дневник генерального хоружаго Николая Ханенка, 1723–1753. Киев : Тип. Г. Т. Корчак-Новицкого, 1884. 524 с.

Из истории южно-русского общества начала XIX века (письма В. И. Чарныша, А. И. Чепы, В. Г. Полетики и заметки к ним, с портретом В. Г. Полетики) / под ред. В. Горленко. Киев : Тип. Г. Т. Корчак-Новицкого, 1893. 36, 14 с.

Киселев М. А. Тратат *De L'Esprit des Lois* III.-Л. Монтескье и фундаментальные законы в России начала 1760-х гг. // *Quaestio Rossica*. Т. 5. 2017. № 4. С. 1131–1148. DOI 10.15826/qr.2017.4.271.

Киселев М. А., Лазарев Я. А. «Поелику де в Малой России нет дворян»? : Статус украинского «шляхетства» в Российской империи середины XVIII в. и роль неформальных связей К. Г. Разумовского // Новое прошлое = The New Past. 2019. № 2. С. 116–133. DOI 10.23683/2500–3224–2019–2–116–133.

Киселев М. А., Лысцова А. С. Проблема дворянского образования в публицистике и в правительственной политике Российской империи на рубеже 1750-х и 1760-х годов // Идеал воспитания дворянства в Европе: XVII–XIX века / под ред. В. С. Ржеуцкого, И. И. Федюкина и В. Береловича. М. : Новое лит. обозрение, 2018. С. 152–180.

Наказы малороссийским депутатам 1767 года и акты о выборах депутатов в Комиссию сочинения Уложения. Киев : Тип. Г. Т. Корчак-Новицкого, 1889. 320 с.

НИА СПбИИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1134.

Посохова Л. Ю. Православные коллегиумы на пересечении культур, традиций, эпох (конец XVII – начало XIX в.). М. : РОССПЭН, 2016. 550 с.

Пропозиции Федора Салтыкова : Рукопись из собрания П. Н. Тиханова. СПб. : О-во любителей древности, 1891. [2], XXVII, [3], 36 с.

РГАДА. Ф. 248. Д. 3017, 3217.

Руднев Д. В. Григорий Андреевич Полетика и его педагогическая деятельность // «Регулярная академия учреждена будет...» : Образовательные проекты в России в первой половине XVIII века / под ред. И. И. Федюкина и М. Б. Лавринович. М. : Новое изд-во, 2015. С. 363–399.

Сб. РИО. Т. 117, 126.

Словарь писателей XVIII века. Вып. 1–3. Л. ; СПб. : Наука, 1988–2010. Вып. 1. 356 с. Вып. 2. 507 с. Вып. 3. 470 с.

Український Гетьманат: нариси історії національного державотворення XVII–XVIII ст. : у 2 кн. / відп. ред. В. Смолій. Київ : Інститут історії України, 2018. Кн. 2. 580 с.

Федюкин И. И. «От обоих истинное шляхетство»: сухопутный шляхетский кадетский корпус и конструирование послепетровской элиты, 1731–1762 // Идеал воспитания дворянства в Европе: XVII–XIX века / под ред. В. С. Ржеуцкого, И. И. Федюкина и В. Береловича. М. : Новое лит. обозрение, 2018. С. 245–273.

Das Album der Christian-Albrechts-Universität zu Kiel. 1665–1865. Kiel : Verlag von Lipsius ; Tischer, 1915. 709 S.

Die Matrikel der Albertus-Universität zu Königsberg in Preußen / Hrsg. von G. Erler. Bd. 2. Die Immatrikulationen von 1657–1829. Leipzig : Verlag von Duncker ; Humblot, 1911–1912. 772 S.

References

Adadurov, V. V. (2014). Ukrainskii kazak na sluzhbe Lyudovika XV, ili Pol'skii shlyakhtich na sluzhbe dvukh korolei: dokumental'naya dekonstruktsiya issledovaniya I. Borschaka o P.-G. Orlike [The Ukrainian Cossack in the Service of Louis XV or the Polish Nobleman in the Service of Two Kings: A Documentary Deconstruction of the Study of I. Borschak about P.-G. Orlik]. In *Frantsuzskii ezhegodnik 2014*. Moscow, Institut vseobshchei istorii RAN, pp. 269–305.

Andreev, A. Yu. (2005). *Russkie studenty v nemetskikh universitetakh XVIII – pervoi poloviny XIX veka* [Russian Students in German Universities of the 18th – First Half of the 19th Centuries]. Moscow, Znack. 432 p.

Bugrov, K. D., Kiselev, M. A. (2016) *Estestvennoe pravo i dobrodetel': integratsiya evropeiskogo vliyaniya v rossiiskuyu politicheskuyu kul'turu XVIII veka* [Natural Law and Virtue: Integration of European Influence into the Russian Political Culture of the 18th Century]. Yekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta. 476 p.

Das Album der Christian-Albrechts-Universität zu Kiel. 1665–1865. (1915). Kiel, Verlag von Lipsius ; Tischer. 709 S.

Dnevnik general'nogo khoruzhago Nikolaya Khanenka, 1723–1753 [Diary of General Ensign Nikolai Khanenko, 1723–1753]. (1884). Kiev, Tipografiya G. T. Korchak-Novitskogo. 524 p.

Dzyuba, O. M. (2012). *Privatne zhittya kozats'koi starshini XVIII st. (na materialakh epistol'nykh spadshchyn)* [The Private Life of the Cossack Elder of the 18th Century (with Reference to Epistolary Heritage)]. Kyiv, Institut istorii Ukraïni. 347 p.

Erlar, G. (Hrsg.). (1911–1912). *Die Matrikel der Albertus-Universität zu Königsberg in Preußen. Bd. 2. Die Immatrikulationen von 1657–1829*. Leipzig, Verlag von Duncker ; Humblot. 772 S.

Fedyukin, I. I. (2018). “Ot oboikh istynnoe shlyakhetskoy”: sukhoputnyi shlyakhetskii kadetskii korpus i konstruirovaniye poslepetrovskoi elity, 1731–1762 [“From Both True Nobility”: The Noble Inland Cadet Corps and the Construction of the Post-Petrine Elite, 1731–1762]. In Rjeoutski, W. S., Fedyukin, I. I., Berelovich, V. (Eds.). *Ideal vospitaniya dvoryanstva v Evrope: XVII–XIX veka*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, pp. 245–273.

Gorlenko, V. (Ed.). (1893). *Iz istorii yuzhno-russkogo obshchestva nachala XIX veka (pis'ma V. I. Charnysheva, A. I. Chepy, V. G. Poletiki i zametki k nim, s portretom V. G. Poletiki)* [From the History of South-Russian Society of the Early 19th Century (Letters by V. I. Charnysh, A. I. Chepa, V. G. Poletika and Notes to Them, with a Portrait of V. G. Poletika)]. Kiev, Tipografiya G. T. Korchak-Novitskogo. 36, 14 p.

Kiselev, M. A. (2017). Traktat *De L'Esprit des Lois* Sh.-L. Monteske i fundamental'nye zakony v Rossii nachala 1760-kh gg. [Montesquieu's Treatise *De L'esprit des Lois* and Fundamental Laws in Russia in the Early 1760s]. In *Quaestio Rossica*. Vol. 5. No. 4, pp. 1131–1148. DOI 10.15826/qr.2017.4.271.

Kiselev, M. A., Lazarev, Ya. A. (2019). “Poeliku de v Maloi Rossii net dvoryan”? Status ukrainskogo “shlyakhetskoy” v Rossiiskoi imperii serediny XVIII v. i rol' neformal'nykh svyazey K. G. Razumovskogo [“Are There Nobles in Little Russia”? The Status of the Ukrainian “Shlyakhetskoy” in the Russian Empire in the Mid-18th Century and the Role of the Informal Relations of K. G. Razumovsky]. In *Novoe proshloe / The New Past*. No. 2, pp. 116–133. DOI 10.23683/2500–3224–2019–2–116–133.

Kiselev, M. A., Lystsova, A. S. (2018). Problema dvoryanskogo obrazovaniya v publitsistike i v pravitel'svennoi politike Rossiiskoi imperii na rubezhe 1750-kh i 1760-kh godov [The Problem of Noble Education in Journalism and in the Government Policy of the Russian Empire at the Turn of the 1760s]. In Rjeoutski, W. S., Fedyukin, I. I., Berelovich, V. (Eds.). *Ideal vospitaniya dvoryanstva v Evrope: XVII–XIX veka*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, pp. 152–180.

Nakazy malorossiiskim deputatam 1767 goda i akty o vyborakh deputatov v Komissiyu sochineniya Ulozheniya [Proposals to Little Russian Deputies of 1767 and Acts on the Election of Deputies to the Commission]. Kiev, Tipografiya G. T. Korchak-Novitskogo. 320 p.

NIA SPbII RAN [Scientific-Historical Archive of the St Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences]. Stock 36. List 1. Dos. 1134.

Posokhova, L. Yu. (2016). *Pravoslavnye kollegiумы na peresechenii kul'tur, traditsii, epokh (konets XVII – nachalo XIX v.)* [Orthodox Collegia at the Intersection of Cultures, Traditions, and Eras (Late 17th – Early 19th Centuries)]. Moscow, ROSSPEN. 550 p.

Propozitsii Fedora Saltykova. Rukopis' iz sobraniya P. N. Tikhanova [Proposals of Fyodor Saltykov. Manuscript from the Collection of P. N. Tikhonov]. (1891). St Petersburg, Obshchestvo lyubitelei drevnosti. [2], XXVII, [3], 36 p.

RGADA [The Russian State Archive of Ancient Acts]. Stock 248. Dos. 3017, 3217.

Rudnev, D. V. (2015). Grigorii Andreevich Poletika i ego pedagogicheskaya deyatel'nost' [Gregory Andreevich Poletika and His Teaching Activity]. In Fedyukin, I. I., Lavrinovich, M. B. (Eds.). *„Regulyarnaya akademiya uchrezhdena budet...”. Obrazovatel'nye proekty v Rossii v pervoi polovine XVIII veka*. Moscow, Novoe izdatel'stvo, pp. 363–399.

Sb. RIO [Collection of the Imperial Russian Historical Society]. Vol. 117, 126.

Slovar' pisatelei XVIII veka. Vyp. 1–3 [Dictionary Writers of the 18th Century. 1–3 Iss.]. Leningrad, St Petersburg, Nauka. Iss. 1. 356 p. Iss. 2. 507 p. Iss. 3. 470 p.

Smolii, W. (Ed.). (2018). *Ukrains'kii Get'manat: narisi istorii natsional'nogo derzhavotvorennya XVII–XVIII st. u 2 kn.* [The Ukrainian Hetmanate: Essays on the History of National State-Building in the 17th–18th Centuries. 2 Books]. Kyiv, Institut istorii Ukraïni. Book 2. 580 p.

The article was submitted on 20.04.2019